

Степан Аникин

Домой через Балканы

Степан Васильевич Аникин Домой через Балканы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2885755

Аннотация

«Густо-синяя съ блескомъ эмаль Средиземнаго моря стала блекнуть, зеленѣть, мутиться. Туманные гористые берега становились рельефнѣе, чище, голубѣй. И замѣтно было, какъ мы все глубже и глубже входимъ въ полосу узкаго, безконечно длиннаго залива, въ концѣ котораго ждуть насъ Салоники...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Степан Васильевич Аникин

Домой через Балканы

I

Густо-синяя съ блескомъ эмаль Средиземнаго моря стала блекнуть, зеленѣть, мутиться. Туманные гористые берега становились рельефнѣе, чище, голубѣй. И замѣтно было, какъ мы все глубже и глубже входимъ въ полосу узкаго, безконечно длиннаго залива, въ концѣ котораго ждутъ насъ Салоники.

Слѣва маячилъ угрюмый массивъ Олимпа, дерзко обезглавленный веселыми купами серебряныхъ облаковъ. Справа – три пальца лѣсистой корявой ладони. Пальцы далеко протянулись на югъ, къ сплошной синевѣ моря, словно погнались за кѣмъ, хотѣли схватить, но могучая сила парализовала ихъ, и они застыли, остались недвижны.

Самый дальній – Аѳонъ. Онъ длиннѣе другихъ пальцевъ и стыдливѣй. Весь бирюзовый, полурастаявшій въ морѣ, одѣлся тончайшимъ голубымъ тюлемъ и манить къ себѣ, приковываетъ. Таинственный, невѣдомый, и вмѣстѣ съ тѣмъ родной-родной. Дорогъ и близокъ былъ онъ съ самыхъ пеленокъ.

"Гора Аѳонъ, гора святая"... Сколько пылкихъ юноше-

скихъ мечтаній неслоь и несется сюда изъ далекихъ равнинъ сѣвера, старческихъ вздоховъ, предсмертныхъ стоновъ. Сколько чудеснаго, сказочнаго связано съ этимъ именемъ. Хотѣлось бы сняться съ высокой, чуть дышащей отъ легкой качки, палубы морского богатыря и полетѣть туда, къ этому почти прозрачному голубому полуострову, дохнуть его смолами, его мрачнымъ святымъ уютомъ, его обаятельной неразгаданностью.

Пассажиры на палубѣ. Раздѣлились по двумъ бортамъ: интеллигенція по лѣвому борту, простонародье – направо. И непонятно, какая сила произвела такое дѣленіе. Налѣво бинокли, морскія карты, справочники, звонкія восклицанія женскихъ голосовъ, радостное гудѣніе мужскихъ. Смѣются, вспоминаютъ легенды, декламируютъ классиковъ. И шепчутся, и розовѣя горятъ дѣвичьи щеки, искрятся кокетливые взоры. Кто-то кричитъ звучнымъ молодымъ баритономъ:

– Вотъ оно, жилище боговъ! Мнѣ однажды изъ-за этого чорта Олимпа единицу вкатили!

Другіе звонкіе голоса покрываютъ это признаніе еще болѣе живымъ хохотомъ.

Спиной къ Олимпу, лицомъ къ Аѳону сѣрые латаные пиджаки, угрюмо задумчивые взгляды, молчаніе вперемежку со вздохами. Унылый, ровный безъ повышеній и паузъ густой гудущій голосъ кормового матроса Устиныча рассказываетъ объ Аѳонскихъ чудесахъ:

– И ни одна даже аль пташка женскаго полу не могишь она

жить тамъ. Соловей поеть, соловыху не услышишь. Равно и галки, грачи – все единственно. Ворона увидишь, къ примѣру, а ворону ни въ жисть. Долетитъ, куда ей положено, и назадъ принуждена вертать, а не то падаетъ замертво, ровно ударить чѣмъ. Также и рогатой скотины: женскій полъ не водится...

– Господи! – не выдержала маленькая, больше другихъ вздыхавшая молодая бабенка, – гдѣ же они молоко-то берутъ?

– Быковъ доятъ! – острить молодой ткачъ, работавшій гдѣ-то подъ Барселоной и везущій домой, какъ большую драгоценность, "настоящую, тальянску, гармонию".

Но надъ словами ткача никто не смѣется. Молчать. Устинычъ укоризненно продолжаетъ:

– А что жъ, ежели чудесное! Отъ чудеснаго все можетъ стать... Запасный солдатъ Трохвимъ Притула, возвращавшійся домой "на моблизацию" изъ самага Буэносъ-Айреса и успѣвшій по дорогѣ пропить пять консульскихъ пособій, плачетъ и крестится.

Крестятся и другіе. И не поймешь, не отгадаешь: такъ ли молчать эти сѣрые бывалые люди, слушая Устиныча, или, какъ и я, вспоминаютъ о свѣтлыхъ годахъ своей юношеской жизни, когда искренно вѣрилось, что Аѳонъ – это рай, а въ раю "не женятся, не посягаютъ, но яко ангели на небесехъ пребываютъ".

Олимпъ и Аѳонъ, два символа. Два знамени двухъ вели-

кихъ религій. Одинъ зоветъ къ празднику тѣла, физической красотѣ, силѣ, плодородію, безпечному веселью, къ празднику любви и ласки...

Другой отрицаетъ тѣло, проповѣдуетъ истощеніе, болѣзнь, постъ, безчадіе, съ омерзѣніемъ отвращается отъ физической любви, отъ веселья, пѣсни, игры... зоветъ къ веселію смерти.

И оба стоятъ рядомъ, на обоихъ цвѣтутъ однѣ и тѣ же оранжевыя рощи, однимъ дыханіемъ дышитъ весна, однимъ маревомъ вѣетъ лѣто, къ обоимъ вразъ ластится теплая южная осень, полная тутъ и тамъ гроздьевъ сизаго винограда, маслинъ, сахарныхъ арбузовъ и пахучихъ, нѣжныхъ, тающихъ во рту золотистыхъ дынь.

И оба не отрицаютъ войны, благословляютъ побѣду, плетутъ вѣнки героямъ. Оба знамени воодушевляютъ людей къ воинскимъ подвигамъ...

Велика загадка, имя которой – человекъ.

II

Къ Салоникамъ подошли мы передъ вечеромъ. Я бы не сказалъ, что вблизи здѣсь красиво. Издали – да. Тогда хоть рисуи иллюстрацію къ «Тысячѣ и одной ночи». Десятки тонкихъ, блѣдныхъ минаретовъ, а рядомъ громадныя кубическія постройки съ куполовидными верхами. Все это изъ бѣлаго, чуть розоватаго камня, или только кажущагося издали розоватымъ, не знаю. Вокругъ мечетей, а можетъ быть, это и не мечети, но цѣлыя магометанскіе монастыри и дворцы, – вокругъ нихъ глухіе бѣлокаменные кремли и фіолетовые, мертвенные, безъ вздоховъ и тревоги, кипарисы. Удивительное дерево – тотъ кипарисъ. Только послѣ того, какъ пришлось мнѣ много разъ видѣть его тамъ, на югѣ, при полномъ ростѣ, смогъ я ощутить истинный характеръ этого дерева и понялъ, почему его садятъ надъ могилами, на кладбищахъ. Не тую, не ель, а именно кипарисъ. Это дерево создано для того, чтобы быть монументомъ, выражать безконечную покорность и какую-то свою, чисто восточную стойкость къ превратностямъ судьбы.

Нашъ ладанъ напоминаетъ кипарисъ. Въ томъ, какъ пахнетъ дымъ ладана, и какъ сторожатъ нѣмые богатыри, кипарисы сѣдую старину здѣшнихъ мѣстъ, прячется одно и то же настроеніе: настроеніе печали, грусти, покорности и все же... все же тревоги.

Тѣсной грудой приткнулся городъ съ пологому скату голлой горы. Безъ улицъ и площадей сползаетъ онъ къ морю, и ужъ у моря разстиляется въ широкое полотнище грязи, пыли, трамвайнаго лязга, крикливыхъ магазиновъ, нагло блестящихъ неестественными огнями кинематографовъ, праздныхъ зѣвакъ, карманныхъ воровъ... словомъ, всего того, что называютъ уличнымъ движеніемъ крупнаго торговаго центра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.